

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

А. С. Пушкин
ДУБРОВСКИЙ
•
КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА

Школьная библиотека (Детская литература)

Александр Пушкин

**Дубровский. Капитанская
дочка (сборник)**

Издательство «Детская литература»

1833, 1836

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

Пушкин А. С.

Дубровский. Капитанская дочка (сборник) / А. С. Пушкин —
Издательство «Детская литература», 1833, 1836 — (Школьная
библиотека (Детская литература))

ISBN 978-5-08-004320-8

В книгу вошли два знаменитых романа А. С. Пушкина – «Дубровский» и
«Капитанская дочка». Для старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-08-004320-8

© Пушкин А. С., 1833, 1836
© Издательство «Детская
литература», 1833, 1836

Содержание

Проза поэта	6
Роман о «благородном» разбойнике	7
Роман о пугачевщине	11
Дубровский	18
Том первый	18
Глава I	18
Глава II	23
Глава III	27
Глава IV	29
Глава V	31
Глава VI	33
Глава VII	36
Глава VIII	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Сергеевич Пушкин

Дубровский; Капитанская дочка

Текст печатается по изданию:

Пушкин А. С. Собр. соч.: В Ют. М.:Худож. лит., 1974–1978. Т. 5.

Вступительная статья и примечания

И. Ф. СМОЛЬНИКОВА

Портрет А. С. Пушкина

В. А. ФАВОРСКОГО

© Смольников И. Ф., вступительная статья, примечания, 2000

© Шмаринов Д. А., иллюстрации, 1946

© Фаворский В. А., портрет А. С. Пушкина, 1956

© Оформление серии. Издательство «Детская литература», 1996

Проза поэта

В 1826 году Пушкин заканчивает шестую главу романа в стихах «Евгений Онегин», в которой делает такое признание:

Лета к суровой прозе клонят,
Лета шалунью рифму гонят...

И действительно, летом следующего года он начинает писать прозу – роман «Арап Петра Великого» – о царе Петре и о своем легендарном предке Ганнибале, а осенью 1830 года создает пять небольших повестей, которым дает название «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». Через два года, в 1832 году, приступает к работе над романом «Дубровский». В 1833 году Пушкин пишет повесть «Пиковая дама», 31 января того же года делает наброски плана «Капитанской дочки».

Работа над романом о Пугачевском восстании, в отличие от вышеназванных произведений, шла медленно. Пушкин несколько раз менял план романа и завершил его лишь осенью 1836 года, заключительные строки датированы 19 октября. Вы знаете, что 19 октября было особенно памятной датой для Пушкина – в этот день 1811 года был открыт Царскосельский Лицей. Он и его друзья-лицейсты всегда трепетно относились к этой дате. В день завершения романа «Капитанская дочка» Пушкин отметил с друзьями двадцатипятилетие Лицея. Больше ему не довелось отмечать годовщины Лицея – через три месяца и восемь дней он был смертельно ранен на дуэли.

«Капитанская дочка» – последнее прозаическое произведение поэта, самое крупное, самое значительное. Оно вообрало в себя и выразило особенно сильно многое из того, что звучало в ранее написанной пушкинской прозе, а также в его поэзии. Мы не будем касаться его стихотворений, поэм, романа в стихах «Евгений Онегин». Но надо помнить, что все в пушкинском творчестве перекликается: поэма о Петре Великом «Медный всадник» и роман, посвященный царю-преобразователю; стихотворные строки о современниках поэта и его роман о судьбе молодого дворянина Дубровского; стихи об исторической судьбе России и роман, посвященный Пугачевскому восстанию.

Пройдет немного времени, вы обогатите ваш опыт любознательных читателей и сами станете сопоставлять и сравнивать различные произведения Александра Сергеевича Пушкина. Вам откроется удивительно богатый и разнообразный мир пушкинских стихотворений, поэм, драм, повестей, романов. Вы убедитесь, как этот художественный мир теснейшим образом связан с вашим собственным миром чувств и мыслей.

В неоконченной статье «О русской прозе» Пушкин писал: «Точность и краткость – вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей – без них блестящие выражения ни к чему не служат». Такова проза самого Пушкина. В ней не развлекательные картинки, не красивые описания, не преувеличенные страсти и нарочитая запутанность сюжета, а простое и ясное повествование о важнейших явлениях жизни.

Насыщенная мыслями проза Пушкина заставляет нас размышлять о самом главном – о судьбе России и россиян, о роли гражданина в истории страны, о чести и достоинстве человека, о верности и предательстве, об очищающей силе любви.

Роман о «благородном» разбойнике

Был у Пушкина задушевный друг – Павел Войнович Нащокин. Он жил в Москве, и Пушкин любил останавливаться у него, когда приезжал в Москву. Однажды Нащокин рассказал Пушкину об одном дворянине, Островском: тот был небогат, судился с соседом из-за земли, проиграл судебный процесс, остался без имения и вместе со своими крестьянами принялся грабить сначала чиновников, а потом и прочих людей – в лесу и на большой дороге. Продолжалось это недолго, его в конце концов арестовали. Нащокин видел Островского в тюрьме. Пушкин решил написать о нем. В первоначальном плане романа дал его фамилию герою своего произведения. Потом передумал – героя назвал Владимиром Дубровским.

Между тем и эта фамилия «пришла» из реальной жизни: в начале XIX века у нижегородского помещика Дубровского суд отобрал имение. Жил в Нижегородской губернии и богатый помещик Троекуров, однофамилец другого героя пушкинского романа. А название деревни Кистеневки, которой владели Дубровские, идет от деревни Кистенево Нижегородской губернии, принадлежавшей семье Пушкиных. Из одного судебного дела, попавшего в руки поэта, перенесено слово в слово в роман и заключение суда о передаче имения небогатого помещика его обидчику, богачу. Пушкин изменил лишь фамилии участников этого процесса.

Самое же главное: драматическая основа романа – конфликт между бедным дворянином Дубровским и самодуром-богачом Троекуровым – соответствует тому, что могло происходить и происходило в российской действительности начала XIX века.

Казалось бы, узы товарищества связывают двух бывших военных – отставного поручика Андрея Гавриловича Дубровского и генерал-аншефа в отставке Кирилу Петровича Троекурова. Богач Троекуров отличает среди приезжающих к нему в поместье людей лишь Дубровского. «Будучи ровесниками, – читаем в романе, – рожденные в одном сословии, воспитанные одинаково, они сходились отчасти и в характерах и в наклонностях». Однако это «сходство» не помешало их ссоре. Гвардии поручик не стерпел обиды со стороны троекуровского псаря и потребовал его выдачи, «...а будет моя воля наказать его или помиловать, – написал он генералу, – а я терпеть шутки от Ваших холопов не намерен, да и от Вас их не стерплю, потому что я не шут, а старинный дворянин».

Старинный-то старинный (то есть исконный), но бедный и – увы – беззащитный. Правят же бал такие, как Троекуров. «Как, – вскипел тот, прочитав письмо Дубровского, – высылать к нему моих людей с повинной, он волен их миловать, наказывать! да что он в самом деле задумал; да знает ли он, с кем связывается?»

Воистину не знает.

А конфликт, как говорят в таких случаях, разгорался. Непримируемый конфликт между людьми, стоящими на разных ступеньках социальной лестницы.

Огромное расстояние отделяет богатых, обладающих властью, от бедных, ни власти, ни даже возможности отстоять свое достоинство не имеющих. Такова природа конфликта – то решающее обстоятельство, которое приводит в движение сюжет романа, заставляет поступать так, а не иначе всех персонажей, от главных до второстепенных.

Вы, читатели романа, особенно те, кто первый раз берет его в руки, не станете, скорее всего, сразу размышлять об этом. Вас увлечет само повествование. Вы познакомитесь с Троекуровым, с его дикими шутками, вы наверняка станете симпатизировать старику Дубровскому, будете следить за тем, как Троекуров обманым путем отберет имение своего бывшего товарища, прочтете и тот судебный документ, который был упомянут выше. Документ сочинен в особом стиле, отличном от авторского, пушкинского, он тяжеловесен и запутан, но это не станет для вас помехой. Наоборот, поможет погрузиться в стихию той, давно отшумевшей, полной несправедливости эпохи, о которой рассказывает вам Пушкин.

Да, вам, юные читатели! Пушкин всегда обращается и к своим современникам, и к своим потомкам. Он был уверен в том, что новым поколениям будет важно знать, как жили когда-то их соотечественники. Как отстаивали свои права, как сопротивлялись злу и несправедливости, как страдали, любили...

Если первый том романа посвящен противостоянию Троекурова и старика Дубровского, то основная тема второго – любовная интрига. Он начинается с описания праздника, который устроил Кирила Петрович Троекуров и на котором присутствует недавно нанятый для его сына учитель Дефорж.

Страницы с участием этого француза сначала захватывают какой-то загадкой, как в приключенческом романе. Потом, когда тайна Дефоржа раскрывается, продолжают увлекать стремительно развивающимися событиями. Один факт влечет за собой другой, действие не тормозится дотошными описаниями обстановки, природы и т. п. Они есть, но они лаконичны и необходимы для лучшего постижения событий и действующих лиц. Все излагается коротко, точно, в высшей степени выразительно. Как, например, эта характеристика ответа исправника (главного полицейского в округе) на вопрос Троекурова, поймает ли он Дубровского: «Исправник струсил, поклонился, улыбнулся, заикнулся и произнес наконец: «Постараемся, ваше превосходительство».

Но обратимся к любовной интриге.

У Андрея Гавриловича Дубровского – сын. У Кирилы Петровича Троекурова – дочь. В самом начале романа, в первой главе, Троекуров, еще не поссорившийся с владельцем Кистеневки, «часто говаривал Дубровскому: «Слушай, брат, Андрей Гаврилович: коли в твоём Володьке будет путь, так отдам за него Машу; даром что он гол как сокол». На что отец Владимира неизменно отвечал: «Нет, Кирила Петрович: мой Володька не жених Марии Кириловне. Бедному дворянину, каков он, лучше жениться на бедной дворяночке да быть главою в доме, чем сделаться приказчиком избалованной бабенки».

В этом диалоге между старыми «товарищами» содержится намек на то, что между Машей и «Володькой» что-то в будущем непременно произойдет.

Обстоятельства их знакомства романтичны. То есть отмечены печатью исключительности, необычности: после смерти отца, пожара в имении Владимир бродит вокруг дома Троекурова с мыслью о мщении, но видит его дочь, влюбляется в нее и отказывается от мести своему врагу; Маша влюбляется во француза-учителя, не догадываясь, что он – разоренный ее отцом молодой Дубровский. Эта исключительность, необычность несколько не искажает реальной сущности их отношений, они вполне жизненны и правдоподобны. В жизни немало таких **романтических** историй. На то она и жизнь.

* * *

Возможно, вам уже приходилось читать «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». Пушкин писал их за два года до начала работы над романом «Дубровский». В одной из повестей разбушевавшаяся стихия мешает соединиться двум любящим людям: бедному армейскому прапорщику Владимиру и его богатой невесте Марье Гавриловне. Владимир заблудился в метели, не смог приехать вовремя в сельскую церковь для тайного венчания и, как говорится, потерял свое счастье. Вместо него под венцом оказался случайно заглянувший в церковь богатый дворянин. Заметьте: богатый. Так в повести «Метель» побеждает правда жизни: богатый соединяется с богатой, бедный остается ни с чем.

В другой повести, «Барышня-крестьянка», полюбили друг друга дети равных по своему достатку и положению в обществе родителей. Но родители их, отцы, ссорятся. Эта повесть своей темой как бы предваряла роман «Дубровский»: непримиримые отцы и полюбившие друг друга дети. В повести все заканчивается благополучно.

В романе же ситуация иная. Отцы не могут помириться.

Уже будучи в ссоре с Дубровским, Троекуров дважды хотел идти на мировую, дважды заговаривала в нем совесть. Но он так и не смог побороть свои амбиции богача и самодура.

То, о чем было рассказано в «Барышне-крестьянке», – исключение, счастливый случай. То, о чем идет речь в романе, – неумолимая логика жизни. Она не зависит от случайностей природы, как это было в повести «Метель». Она приводит к гибели старика Дубровского, помогает торжествовать Троекурову, разрушает любовь их детей.

Характерно, что в первоначальном плане романа Пушкин хотел по-другому решить судьбу Маши и Владимира (он фигурировал тогда под фамилией Островский): герой должен был жениться на героине. «Островский распускает свою шайку, – записал Пушкин, – жена его рождает. Она больна, он везет ее лечиться в Москву, избрав из шайки надежных людей и распустив остальных».

В окончательном варианте участь героев иная. Машу отдают за нелюбимого, старого и, естественно, богатого. Владимир распускает свою «шайку». Все это совершается по законам жизни, а не по рецептам романтической литературы, в которой чаще всего побеждали «благородные» разбойники.

Расставаясь со своими крестьянами, Владимир советует им «провести остальную жизнь в честных трудах» и в заключение добавляет: «Но вы все мошенники и, вероятно, не захотите оставить ваше ремесло». То есть «ремесло» разбойников.

У барина, каким в сущности не переставал быть гвардейский офицер Дубровский, и у крестьян разные цели. Дубровский мстил за свое разоренное семейное гнездо. Крестьяне встали на кровавую тропу, не желая переходить во власть к другому, жестокому помещику. Существенно и то, что крестьяне прекращают «пожары и грабежи» после того, как их покидает Дубровский. Возможно, в этом просматривалось некоторое неверие автора в самостоятельные действия крепостных крестьян, оставшихся без предводителя.

Пушкин рисует отношения старика Дубровского, а затем и его сына с их крепостными крестьянами несколько идиллически (критика впоследствии отмечала это). Наряду с этим правдиво изображена ненависть крестьян к таким помещикам-крепостникам, как Троекуров, и к лихоимцам-чиновникам.

Ярче всего это выразилось в сцене пожара.

После того как чиновники приехали описывать его имение, Дубровский велит запалить свой дом, но оставить незапертыми двери, чтобы заночевавшие там чиновники могли выбраться наружу. Но кузнец Архип, его крепостной, по своей воле и не докладывая барину, «запер их на ключ, примолвляя вполголоса: «Как не так, отопри!» Запирает дверь и «с злобной улыбкой» взирает на пожар.

Роман «Дубровский» не был напечатан Пушкиным. Есть предположение, что он хотел продолжить его (об этом свидетельствует план романа). Если это так, то возникает вопрос: почему же Пушкин отказался от дальнейшей работы над романом? Может быть, его не удовлетворяла некоторая мелодраматичность и даже авантюристность сюжета, напоминавшая произведения популярных западноевропейских авторов? Может быть, потому, что он задумал новое произведение?

Последний абзац «Дубровского» помечен 6 февраля 1833 года, а первый план следующего романа, «Капитанская дочка», датирован 31 января 1833 года. Сопоставим даты и суть произведений, в основе которых – бунт подневольных людей. Однако **бунт** описан в романе «Дубровский». В «Капитанской дочке» – более масштабное сопротивление властям – восстание. В первом романе бунтуют крестьяне одной деревни, одного помещика. Во втором берутся за оружие тысячи крестьян и казаков нескольких губерний. В первом во главе бунтующих становится дворянин, офицер. Во втором – простой казак. В первом случае изображается исключительная ситуация. Хотя, как мы уже заметили, она опирается на реальные факты. Основу

второго романа, несмотря на вымышленность сюжета, составляют масштабные исторические события 1773–1774 годов, перекрывающие собой ту частную историю, которая была положена в основу романа о «благородном» разбойнике.

Роман о пугачевщине

Слово «пугачевщина» образовано от фамилии руководителя крестьянского восстания 1773–1774 годов донского казака Емельяна Ивановича Пугачева. Им обозначаются реальные исторические события из жизни нашего государства: восстание яицких казаков, крестьян, работных людей уральских заводов, представителей ряда народностей юго-востока Российской империи; пожары городов; жестокая расправа восставших над дворянами, помещиками, чиновниками; расправа царских войск над восставшими; разорение тысяч людей, терявших в огне восстания свой кров, имущество, и одновременно обогащение других, как это нередко бывает во времена смуты и смены властей. О последнем аспекте коротко и определенно сказал Пушкин в «Истории Пугачева» в главе, посвященной захвату пугачевцами Казани: «Люди зажиточные стали нищими; кто был скуден, очутился богат!»

Среди главных героев романа Пугачев – единственное историческое лицо. Другие имеют лишь прототипами реальных людей, которые жили в ту эпоху и о которых Пушкин узнавал из многочисленных источников – из книг, рукописей, рассказов пожилых людей, очевидцев тех событий. Они **вымышленные** герои – и Гринев, и Швабрин, и капитан Миронов, и другие. Но как и в романе «Дубровский», герои и сам сюжет «Капитанской дочки» выросли из реальной истории и историй реальных людей. Так, судьба главного героя, Гринева, восходит к истории одного офицера, который перешел на службу к Пугачеву. В процессе работы над романом Пушкин «разделил» этого человека на двух – Гринева и Швабрина, наделив их разной судьбой, разными человеческими и гражданскими качествами.

С Пугачевым мы встречаемся во второй главе романа. Она называется «Вожатый». В «Толковом словаре живого великорусского языка», составленном В. И. Далем, пушкинским знакомым и его спутником в путешествии по пугачевским местам Оренбурга, читаем: «... **вожатый, вожатай...** проводник слепцов...». В самом деле, встреченный Гриневым во время бурана человек оказывается для него настоящим вожатым: «ослепшего» в буран героя он выводит к постоялому двору. В то же время это слово вмещает в себя и определяет собой куда более сложное и важное понятие. Недаром оно вынесено в заголовок главы, с которой, собственно, и начинаются все главные происшествия в жизни Гринева. Это слово, словно брошенное во всхожую почву зерно, включает в себе все будущие «плоды» общения героя с неведомым ему пока «мужичком»-вожатым. Как показывают дальнейшие события, именно он станет для героя **вожатым** на опасной дороге, ведущей по той части его жизни, которую охватит «буран» пугачевщины.

Многозначностью слова «вожатый» пронизан весь сюжет произведения. Это слово происходит от того же корня, что и слово «вождь». Пугачев и был им. Он возглавил народное восстание. Его волей и талантом руководителя определялось многое в том восстании. Именно таким и запечатлен он на страницах романа. Вопреки официальной точке зрения того времени, Пушкин изображает Пугачева не как преступника и негодяя, а как опытного вождя бунтующей народной массы, проявлявшего не только жестокость, но и милосердие. Одновременно с этим он в романе и **вожатый**, т. е. человек, старший по возрасту и умудренный жизненным опытом, который водит по жизни, по ее ухабам и колдобинам, другого человека, молодого и неопытного.

Этот молодой и неопытный – Петр Андреевич Гринев. Ему, со слов матушки, «пошел семнадцатый годок». Его как-то не с руки и полным именем-отчеством называть-то, ему больше подходит уменьшительное имя Петруша. Но Пушкин наделил своего героя незаурядным умом, решительным характером, высокими нравственными качествами. Он даже кажется старше своих лет.

Еще вчера Петруша развлекался, как подросток: мастерил воздушного змея из географической карты, прилаживая «мочальный хвост к Мысу Доброй Надежды». И вот он уже едет служить в далекий гарнизон. Взросление Гриневы происходит стремительно. Оно тем более бросается в глаза, что его верный дядька по-прежнему относится к нему как к малому ребенку и даже по привычке называет его «дитя». Это звучит с особой разительностью в сцене у виселицы, когда Савельич кидается Пугачеву в ноги со словами: «Отец родной! Что тебе в смерти барского дитяти?»

Савельич старается всячески опекать даже повзрослевшего Петрушу. И эта его опека порой вызывает улыбку, но такое отношение Савельича к Гриневу удивительно трогательно и кажется более естественным, нежели теплые отношения между Владимиром Дубровским и его крепостными крестьянами в романе «Дубровский».

Савельич – крепостной. В его образе Пушкин воплотил целый пласт русской помещичьей жизни. Этот слуга, **дядька**, по старинной терминологии, вырастает в одну из главных фигур романа. Не случайно многие писавшие о нем выделяли образ Савельича как один из самых выразительных в произведении.

Гринев – его барин. Он принадлежит к другому, привилегированному, сословию. Он дворянин. Пусть не богатый, не знатный, но дворянин. Отец его – бывший гвардейский офицер (как и у Владимира Дубровского), помещик, владелец крепостных крестьян.

Выбор такого человека в главные герои не случаен. Дворяне играли важную роль в истории Российского государства. Кто они были? Какими качествами обладали или должны были обладать? В набросках статьи «Заметки о русском дворянстве» Пушкин писал: «Что такое дворянство? потомственное сословие народа высшее, т. е. награжденное большими преимуществами касательно собственности и частной свободы... Какие люди составляют сие сословие? люди, которые имеют время заниматься чужими делами. Кто сии люди? люди, отменные по своему богатству или образу жизни».

Действительно, в отличие от земледельца, ремесленника или даже купца, дворянин имел возможность и **право** заниматься «чужими делами», т. е. служить в гражданских учреждениях, состоять на военной службе. У дворян, по сравнению с другими сословиями, на самом деле были большие преимущества в собственности и личной свободе.

Но это еще не всё. И для Пушкина, может быть, не самое главное. Главное – те личные качества, которыми должен обладать дворянин. Пушкин писал далее в задуманной им статье: «Чему учится дворянство? Независимости, храбрости, благородству (чести вообще). Не суть ли сии качества природные? Так; но образ жизни может их развить, усилить – или задушить».

Романы «Дубровский» и «Капитанская дочка» как раз и посвящены выяснению и анализу этих качеств дворянина. В одних людях «образом жизни» они «задушены». Это мы видим на примере Кирилы Петровича Троекурова или Швабрина. В других «развиты», «усилены» – у Владимира Дубровского, у Петруши Гриневы.

Одна из главных мыслей романа «Капитанская дочка» – мысль о **чести**, о сохранении ее во всех испытаниях жизни, о воспитании чести с младых лет. «Береги честь смолоду» – таков общий эпиграф к роману. Это сокращенный текст пословицы «Береги платье снову, а честь смолоду». Роман рассказывает о том, как проявляются в испытаниях независимость, храбрость и благородство («честь вообще») у молодого человека пугачевской эпохи, как он мужает нравственно.

Гринев близок нам, несмотря на всю разницу наших эпох, несмотря на разницу между нашим образом жизни и образом жизни людей XVIII века. Он нам симпатичен своей прямоотой, верностью данному слову, преданностью в любви.

Далеко по времени отстоят от нас герои романа, но они понятны нам по своей человеческой и гражданской сути. Антураж минувшей эпохи не заслоняет их от нас, а только позволяет зорче разглядеть в них главные, общечеловеческие, общенациональные черты.

Вот, скажем, семья капитана Миронова – он сам, кадровый офицер, его жена Василиса Егоровна, дочь Маша. Их жизнь подчинена стойким правилам простых русских людей, любящих и понимающих друг друга, без громких слов выполняющих свой гражданский долг. Что общего между нашими делами и заботами и их, в далеком гарнизоне, на одном из юго-восточных рубежей Российского государства, в последней трети XVIII века? Их жизнь и чувства схожи с теперешней жизнью офицерских семей в отдаленных воинских частях. Знакомство с семьей капитана Миронова, с ее судьбой помогает нам глубже осмыслить и по достоинству оценить и наших современников, офицеров, их жен и детей, живущих подчас в очень трудных условиях, вдали от городов, в постоянной близости к опасностям, с честью переносящих выпадающие на их долю тяготы.

Другой пример – Петруша Гринев. Мы видим в нем прежде всего не дворянина, а носителя тех качеств, которыми хотим обладать сами.

* * *

На долю Гринева выпадают нелегкие испытания, и он с успехом преодолевает их. Правда, надо сказать, ему удивительно везет.

Например, он приезжает в Белогорскую крепость, которая производит на него вначале безотрадное впечатление. Однако вскоре это впечатление разрушает оказанный ему доброжелательный прием семьей капитана Миронова. Здесь встречает он и свою любовь. На поединке со Швабриным Гринев получает рану, но не смертельную. В бурю ему помогает «вожатый». Это была первая встреча Гринева с Пугачевым. Во второй раз, в Белогорской крепости, Пугачев спасает его от смерти. И наконец, во время третьей встречи Пугачев соединяет Гринева с любимой.

Задержим свое внимание на встречах Гринева с Пугачевым.

Пугачев испытывает благодарность к Гриневу за то, что тот в первую их встречу, в бурю, отнесся к нему не свысока, как барин, а доброжелательно и даже подарил ему свой заячий тулупчик. Этим в первую очередь и объясняется тот невероятный факт, что, повесив коменданта Белогорской крепости капитана Миронова и поручика Ивана Игнатьевича, Пугачев избавляет от виселицы Гринева.

Далее Гринев воюет против Пугачева в составе гарнизона осажденного Оренбурга. Узнав, что Маша Миронова, оставшаяся в Белогорской крепости, оказалась во власти переметнувшегося к Пугачеву Швабрина, Гринев очертя голову бросается ей на выручку и снова попадает в руки Пугачева.

И вот тут-то происходит еще один удивительный факт.

После признания Гринева в том, что он едет выручать невесту, Пугачев не только разрешает ему сделать это, но и вызывается сам сопровождать его. В Белогорской крепости после признания Швабрина Пугачеву в том, что Марья Ивановна «дочь Ивана Миронова, который казнен при взятии здешней крепости», Гринев вынужден раскрыть Пугачеву правду: он же не сказал ему раньше, что его невеста – дочь казненного коменданта. Что же Пугачев? Он и за меньшие провинности казнил даже верных ему людей. «Ты мне этого не сказал, – заметил Пугачев, у коего лицо омрачилось». Гринев дает ему необходимые объяснения. Пугачев и на этот раз прощает Гринева. И не только прощает, а и благословляет его и Машу: «Казнить так казнить, жаловать так жаловать: таков мой обычай. Возьми себе свою красавицу; вези ее куда хочешь, и дай вам Бог любовь да совет!»

Откуда же такая доброта? Ведь, кажется, Гриневский подарок, заячий тулупчик, Пугачев с лихвой «отработал», избавив Гринева от петли. Ответ на этот вопрос дают заметки в пушкинской дорожной записной книжке, которую он вел во время путешествия по местам Пуга-

чевского восстания. Там он сделал запись о сердечной привязанности Пугачева. Об этом рассказала Пушкину свидетельница тех событий, старая казачка Ирина Афанасьевна Бунтова.

Пугачев, оказывается, был влюблен, засылал сватов к родителям той, которую полюбил. Звали ее Устинья Кузнецова. Она была дочерью зажиточного казака. Родители Устиньи были против ее брака с Пугачевым: «...она-де простая казачка, не королева, как ей быть за государем». Да и ближайшие сподвижники Пугачева были тоже против этого брака. Но Пугачев ни с кем и ни с чем не посчитался – очень уж ему приглянулась молодая красавица. Он женился на ней.

Дом родителей Устиньи в Уральске, где она жила до своего вынужденного замужества, и по сей день стоит в старом районе города, в так называемых Куренях, недалеко от мутного Урала. Добротный дом, сложенный из могучих бревен, сохранивший в себе печаль и тайну девичьей судьбы... В нем открыт очень интересный музей, рассказывающий о жизненном укладе яицких казаков, есть здесь и портрет Устиньи.

Так удивительно ли, что любивший в реальной жизни Пугачев простил и благословил в романе влюбленного героя? И мог ли не воспользоваться этим обстоятельством личной жизни Пугачева Пушкин?

Вы спросите: почему же он не рассказал об этом в романе? По той простой причине, что речь обо всех событиях ведет не сам автор, а герой романа, Гринев. Гриневу же, как вы понимаете, неведомы были многие факты, связанные с жизнью его грозного покровителя.

Возникает сразу и другой вопрос: почему же повествование в романе ведется от лица Гринева? Почему сам Пушкин не выступает в роли рассказчика, как это имеет место, например, в романе «Дубровский»? И не мешает ли это создавать верную, объективную картину жизни?

Надо сказать, что автор волен выбирать манеру повествования – вести ли его от лица какого-нибудь рассказчика, персонажа произведения, или от собственного лица. На это у писателя имеются свои резоны. У Пушкина они, разумеется, тоже были, и он не случайно дает слово непосредственному участнику описываемых в романе событий.

Этим достигается предельная достоверность повествования, а также искренность и эффект прямого присутствия в описываемых событиях. Правда, надо признать и то, что при такой манере изложения неизбежна некоторая субъективность, ограниченность точки зрения на происходящее.

Но Пушкин успешно преодолевает этот «подводный риф». Он так ведет повествование от лица Гринева, что взгляд читателя на события, как правило, оказывается шире и глубже собственно гриневского.

Как это достигается? Прежде всего обратите внимание на то, что повествователь этот не молоденький Петруша Гринев, а Гринев зрелых лет. Он не ведет рассказ по горячим следам событий, а вспоминает о них. В конце гриневских записей (этим завершается роман) Пушкин особо поясняет от своего лица: «Рукопись Петра Андреевича Гринева доставлена была нам от одного из его внуков, который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом».

Конечно, мы понимаем, что это литературный прием. Гринев – лицо вымышленное, и роман написан Александром Сергеевичем Пушкиным. Просто таким образом автор придает своему произведению ту достоверность и искренность, о которой мы упомянули выше.

Гринев зрелых лет «высвечивает» в своем повествовании и те важные для лучшего понимания людей и событий детали, в которые не вникал Петруша Гринев, при этом он выступает лишь в роли «летописца», старается не упускать ничего существенного, а читатель уж сам получает возможность размышлять над описываемыми событиями.

Вот один лишь пример.

Гринев вспоминает, как казак, хозяин постоялого двора, разговаривал с его вожатым: «Эхе, – сказал он, – опять ты в нашем краю! Отколе Бог принес?» Вожатый мой мигнул значительно и отвечал поговоркою: «В огород летал, конопли клевал; швырнула бабушка камушком – да мимо. Ну, а что ваши?»

– Да что наши! – отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. – Стали было к вечерне звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте.

«Молчи, дядя, – возразил мой бродяга, – будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит...»

Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора; но после уж догадался, что дело шло о делах Яицкого войска...»

Память Гринева восстанавливает этот разговор, но осмысление его ложится на читателя романа.

Пожалуй, меньше всего таких недомолвок и интонаций с подтекстом на страницах, посвященных героине романа. Это естественно и понятно. Гринев рассказывает о своей любви, в которой не было и не могло быть никаких недомолвок и подтекстов, в его воспоминаниях она сохраняет прежнюю силу, чистоту и открытость.

Гринев полюбил Машу Миронову, милую, застенчивую, умную, воспитанную в патриархальных русских традициях девушку. Именно она, словно чуткий камертон, задает нравственную тональность всему роману. Не случайно с ее именем связано и его название. Если Пугачев оказывается для героя случайным «вожатым» на тернистой дороге жизни, то Маша Миронова не случайно, а закономерно – по закону любви – является и нравственным его вожатым и ангелом-хранителем. В жизни Гринева она, как и Пугачев, играет очень важную роль. Причем не «вожатый», Пугачев, спасший Петра Андреевича от виселицы и соединивший его с невестой, а именно она, простая русская девушка, играет в конце концов решающую роль в его судьбе.

Об этом речь идет в последней главе романа.

Кстати, Гринев сообщает об этих событиях со слов Маши: «Я не был свидетелем всему, о чем остается мне уведомить читателя; но я так часто слышал о том рассказы, что малейшие подробности врезались в мою память и что мне кажется, будто бы я тут же невидимо присутствовал». Давая такое объяснение, Пушкин заботится о правдивости повествования.

А в самой главе рассказывается о следующем:

После ареста Гринева Маша делает попытку спасти любимого ею человека, оправдав его в глазах императрицы. Ведь Маше ясно: жених пострадал из-за того, что, объясняя судьям свои преступные, с их точки зрения, отношения с Пугачевым, не назвал ее имени. А не назвал по одной простой причине: не хотел трепать ее имя, не хотел ее вызова в суд (в этом поступке, кстати, Гринев проявил себя как человек чести).

Маша едет в Петербург, чтобы передать прошение императрице, узнав, что «...Двор находился в то время в Царском Селе, решила тут остановиться». И там в парке рано утром случайно встречается с Екатериной II. Маша не узнает ее в своей собеседнице. Да и откуда она могла ее узнать, не видя никогда портретов Екатерины? Происходит нечто подобное тому, что было у ее жениха при его второй встрече с Пугачевым, когда Гринев в Белогорской крепости не узнает в народном «царе» своего вожатого.

Екатерина, узнав правду об «изменнике» (Гриневе), велит освободить его. Если же следовать логике художественного повествования, то это она, Маша, освобождает своего любимого. Не будь ее решимости, не было бы и императорского распоряжения, не было бы письма императрицы отцу Петруши Гринева. Так и должно происходить, когда любящие беззаветно приходят на помощь друг другу.

* * *

Роман «Капитанская дочка» посвящен излюбленным темам Пушкина, к которым он обращается в самых разных произведениях – в лирических стихах, поэмах, драмах, повестях: поведению человека перед лицом опасностей, испытаний, перед лицом самой смерти; воспитанию и проявлению высоких нравственных качеств человека; любви.

Пушкинские герои попадают во всевозможные ситуации. А самих героев Пушкин выбирает из разных слоев общества и из разных эпох.

Действие романа «Дубровский» происходит в начале XIX века. Герой романа – пушкинский современник. События романа «Капитанская дочка» разворачиваются в последней трети XVIII века. Пушкин приближает оба романа к нам, делает нас очевидцами давно прошедших событий. Достигается это не только тем, что эти произведения посвящены не теряющим актуальности проблемам, но и тем, что Пушкин как писатель, художник делает их живыми, созвучными нашему сегодняшнему времени, нашему восприятию жизни. Русской жизни. Романы, о которых идет речь, посвящены России, ее истории, ее людям, ее природе, ее духовной жизни, которая, видоизменяясь, сохраняется на протяжении столетий, как та народная песня, которую в «Дубровском» запекает «караульщик» в лагере Дубровского, а в «Капитанской дочке» поют пугачевцы за столом в Белогорской крепости.

В «Дубровском» Пушкин приводит лишь две строки песни:

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мешай мне, молодцу, думу думати.

Эти строки наполнены печалью и грустными мыслями о нерадостных судьбах «молодцев», которым воистину есть о чем «думати» свою невеселую думу.

В «Капитанской дочке» песня приводится полностью. Ее лирическая сила и глубина до конца раскрываются читателю; уже не просто печальное, а трагическое ее содержание указывает на неизбежное трагическое будущее участников народного восстания. Гринев, слушавший песню в пугачевском застолье, пишет о своем впечатлении: «Невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта простонародная песня про виселицу, распеваемая людьми, обреченными виселице».

Эпиграфы к каждой главе «Капитанской дочки» настраивают на восприятие глав в определенном смысловом и эмоциональном ключе. Жанровый диапазон эпиграфов весьма широк – от солдатской, свадебной, народной песни до строчек из произведений популярных в XVIII веке писателей.

Восемнадцатый век, девятнадцатый век... Читая пушкинские романы, мы погружаемся в далекое прошлое, извлекаем из него полезные для нас уроки. Пленяемся немеркнущими по своей художественной силе картинами русской жизни. Испытываем чувство эстетического наслаждения при созерцании – чтении – этих картин.

Творчество Пушкина, включающее в себя романы «Дубровский» и «Капитанская дочка», – наше национальное достояние. Это то, чем обогатила Россия мировую литературу и культуру.

Игорь Смольников

Дубровский

Том первый

Глава I

Несколько лет тому назад в одном из своих поместий жил старинный русский барин, Кирила Петрович Троекуров. Его богатство, знатный род и связи давали ему большой вес в губерниях, где находилось его имение. Соседи рады были угождать малейшим его прихотям; губернские чиновники трепетали при его имени; Кирила Петрович принимал знаки подобию-страстия как надлежащую дань; дом его всегда был полон гостями, готовыми тешить его барскую праздность, разделяя шумные, а иногда и буйные его увеселения. Никто не дерзал отказываться от его приглашения или в известные дни не являться с должным почтением в село Покровское. В домашнем быту Кирила Петрович выказывал все пороки человека необразованного. Избалованный всем, что только окружало его, он привык давать полную волю всем порывам пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума. Несмотря на необыкновенную силу физических способностей, он раза два в неделю страдал от обжорства и каждый вечер бывал навеселе. В одном из флигелей его дома жили 16 горничных, занимаясь рукодели-

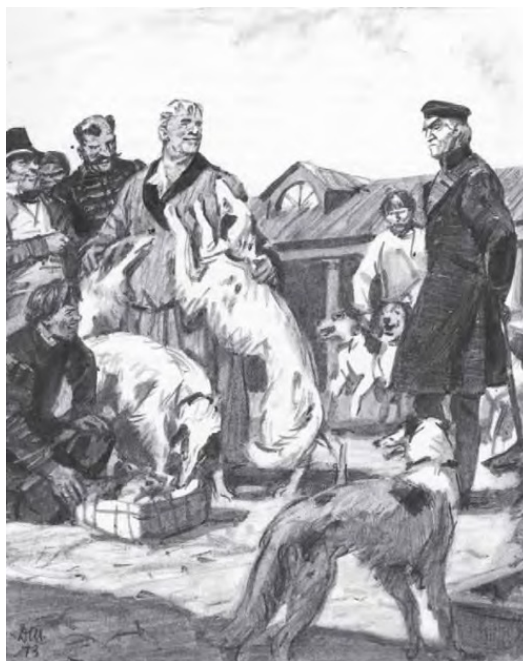
ями, свойственными их полу. Окны во флигеле были загорожены деревянною решеткою; двери запирались замками, от коих ключи хранились у Кирила Петровича. Молодые затворницы в положенные часы сходили в сад и прогуливались под надзором двух старух. От времени до времени Кирила Петрович выдавал некоторых из них замуж, и новые поступали на их место. С крестьянами и дворовыми обходился он строго и своенравно; несмотря на то, они были ему преданы: они тщеславились богатством и славою своего господина и в свою очередь позволяли себе многое в отношении к их соседям, надеясь на его сильное покровительство.

Всегдашние занятия Троекурова состояли в разъездах около пространных его владений, в продолжительных пирах и в проказах, ежедневно притом изобретаемых и жертвою коих бывал обыкновенно какой-нибудь новый знакомец; хотя и старинные приятели не всегда их избегали за исключением одного Андрея Гавриловича Дубровского. Сей Дубровский, отставной поручик гвардии, был ему ближайшим соседом и владел семидесятью душами. Троекуров, надменный в сношениях с людьми самого высшего звания, уважал Дубровского, несмотря на его смиренное состояние. Некогда были они товарищами по службе, и Троекуров знал по опыту нетерпеливость и решительность его характера. Обстоятельства разлучили их надолго. Дубровский с расстроенным состоянием принужден был выйти в отставку и поселиться в остальной своей деревне. Кирила Петрович, узнав о том, предлагал ему свое покровительство, но Дубровский благодарил его и остался беден и независим. Спустя несколько лет Троекуров, отставной генерал-аншеф, приехал в свое поместив, они свиделись и обрадовались друг другу. С тех пор они каждый день бывали вместе, и Кирила Петрович, отроду не удостоивавший никого своим посещением, заезжал запросто в домишко своего старого товарища. Будучи ровесниками, рожденные в одном сословии, воспитанные одинаково, они сходились отчасти и в характерах и в наклонностях. В некоторых отношениях и судьба их была одинакова: оба женились по любви, оба скоро овдовели, у обоих оставалось по ребенку. Сын Дубровского воспитывался в Петербурге, дочь Кирила Петровича росла в глазах родителя, и Троекуров часто говорил Дубровскому: «Слушай, брат, Андрей Гаврилович: коли в твоём Володьке будет путь, так отдам за него Машу; даром что он гол как сокол». Андрей Гаврилович качал головой и отвечал обыкновенно: «Нет, Кирила Петрович: мой Володька не жених Марии Кириловне. Бедному дворянину, каков он, лучше жениться на бедной дворяночке, да быть главою в доме, чем сделаться приказчиком избалованной бабенки».

Все завидовали согласию, царствующему между надменным Троекуровым и бедным его соседом, и удивлялись смелости сего последнего, когда он за столом у Кирила Петровича прямо высказывал свое мнение, не заботясь о том, противуречило ли оно мнениям хозяина. Некоторые пытались было ему подражать и выйти из пределов должного повиновения, но Кирила Петрович так их пугнул, что навсегда отбил у них охоту к таковым покушениям, и Дубровский один остался вне общего закона. Нечаянный случай всё расстроил и переменял.

Раз в начале осени Кирила Петрович собирался в отъездное поле. Накануне был отдан приказ псарям и стремянным быть готовыми к пяти часам утра. Палатка и кухня отправлены были вперед на место, где Кирила Петрович должен был обедать. Хозяин и гости пошли на псарный двор, где более пятисот гончих и борзых жили в довольстве и тепле, прославляя щедрость Кирила Петровича на своем собачьем языке. Тут же находился и лазарет для больных собак, под присмотром штаб-лекаря Тимошки, и отделение, где благородные суки ошенились и кормили своих щенят. Кирила Петрович гордился сим прекрасным заведением и никогда не упускал случая похвастаться оным перед своими гостями, из коих каждый осматривал его по крайней мере уже в двадцатый раз. Он расхаживал по псарне, окруженный своими гостями и сопровождаемый Тимошкой и главными псарями; останавливался пред некоторыми конурами, то расспрашивая о здоровии больных, то делая замечания более или менее строгие и справедливые, то подзывая к себе знакомых собак и ласково с ними разговаривая. Гости почитали обязанностью восхищаться псарнею Кирила Петровича. Один Дубровский молчал и хму-

рился. Он был горячий охотник. Его состояние позволяло ему держать только двух гончих и одну свору борзых; он не мог удержаться от некоторой зависти при виде сего великолепного заведения. «Что же ты хмуришься, брат, – спросил его Кирила Петрович, – или псарня моя тебе не нравится?» – «Нет, – отвечал он сурово, – псарня чудная, вряд людям вашим житье такое ж, как вашим собакам». Один из псарей обиделся. «Мы на свое житье, – сказал он, – благодаря Бога и барина не жалуемся, а что правда, то правда, иному и дворянину не худо бы променять усадьбу на любую здешнюю конурку. Ему было б и сытнее и теплее». Кирила Петрович громко засмеялся при дерзком замечании своего холопа, а гости вослед за ним захохотали, хотя и чувствовали, что шутка псаря могла отнестися и к ним. Дубровский побледнел и не сказал ни слова. В сие время поднесли в лукошке Кирилу Петровичу новорожденных щенят; он занялся ими, выбрал себе двух, прочих велел утопить. Между тем Андрей Гаврилович скрылся, и никто того не заметил.

Гости почитали обязанностью восхищаться псарнею Кирила Петровича. Один Дубровский молчал и хмурился.

Возвратясь с гостями со псарного двора, Кирила Петрович сел ужинать и тогда только, не видя Дубровского, хватился о нем. Люди отвечали, что Андрей Гаврилович уехал домой. Троекуров велел тотчас его догнать и воротить непременно. Отроду не выезжал он на охоту без Дубровского, опытного и тонкого ценителя псовых достоинств и безошибочного решителя всевозможных охотничьих споров. Слуга, поскакавший за ним, воротился, как еще сидели за столом, и доложил своему господину, что, дескать, Андрей Гаврилович не послушался и не хотел воротиться. Кирила Петрович, по обыкновению своему разгоряченный наливками, осердился и вторично послал того же слугу сказать Андрею Гавриловичу, что если он тотчас же не приедет ночевать в Покровское, то он, Троекуров, с ним навеки рассорится. Слуга снова поскакал, Кирила Петрович, встав из-за стола, отпустил гостей и отправился спать.

На другой день первый вопрос его был: здесь ли Андрей Гаврилович? Вместо ответа ему подали письмо, сложенное треугольником; Кирила Петрович приказал своему писарю читать его вслух и услышал следующее:

«Государь мой премилостивый,

*Я до тех пор не намерен ехать в Покровское, пока не вышлете Вы мне пса-ря Парамошку с повинною; а будет моя воля наказать его или помиловать, а я терпеть шутки от Ваших холопьев не намерен, да и от Вас их не стерплю, потому что я не шут, а старинный дворянин. За сим остаюсь покорным ко услугам
Андрей Дубровский».*

По нынешним понятиям об этикете письмо сие было бы весьма неприличным, но оно рассердило Кирила Петровича не странным слогом и расположением, но только своею сущностью: «Как, – загремел Троекуров, вскочив с постели босой, – высылать к ему моих людей с повинной, он волен их миловать, наказывать! да что он в самом деле задумал; да знает ли он, с кем связывается? Вот я ж его... Наплачется он у меня, узнает, каково идти на Троекурова!»

Кирила Петрович оделся и выехал на охоту с обыкновенной своею пышностью, но охота не удалась. Во весь день видели одного только зайца и того протравили. Обед в поле под палаткою также не удался, или по крайней мере был не по вкусу Кирила Петровича, который прибил повара, разбранил гостей и на возвратном пути со всею своею охотою нарочно поехал полями Дубровского.

Прошло несколько дней, и вражда между двумя соседями не унималась. Андрей Гаврилович не возвращался в Покровское – Кирила Петрович без него скучал, и досада его громко изливалась в самых оскорбительных выражениях, которые, благодаря усердию тамошних дворян, доходили до Дубровского исправленные и дополненные. Новое обстоятельство уничтожило и последнюю надежду на примирение.

Кирила Петрович оделся и выехал на охоту с обыкновенной своею пышностью, но охота не удалась. Во весь день видели одного только зайца и того протравили.

Дубровский объезжал однажды малое свое владение; приближаясь к березовой роще, услышал он удары топора и через минуту треск повалившегося дерева. Он поспешил в рощу и наехал на покровских мужиков, спокойно ворующих у него лес. Увидя его, они бросились было бежать. Дубровский со своим кучером поймал из них двоих и привел их связанных к себе на двор. Три неприятельские лошади достались тут же в добычу победителю. Дубровский

был отменно сердит, прежде сего никогда люди Троекурова, известные разбойники, не осмеливались шалить в пределах его владений, зная приятельскую связь его с их господином. Дубровский видел, что теперь пользовались они происшедшим разрывом, – и решился, вопреки всем понятиям о праве войны, проучить своих пленников прутьями, коими запаслись они в его же роще, а лошадей отдать в работу, приписав к барскому скоту.

Слух о сем происшествии в тот же день дошел до Кирила Петровича. Он вышел из себя и в первую минуту гнева хотел было со всеми своими дворовыми учинить нападение на Кистеневку (так называлась деревня его соседа), разорить ее дотла и осадить самого помещика в его усадьбе. Таковые подвиги были ему не в диковину. Но мысли его вскоре приняли другое направление.

Расхаживая тяжелыми шагами взад и вперед по зале, он взглянул нечаянно в окно и увидел у ворот остановившуюся тройку; маленький человек в кожаном картузе и фризовой шинели вышел из телеги и пошел во флигель к приказчику; Троекуров узнал заседателя Шабашкина и велел его позвать. Через минуту Шабашкин уже стоял перед Кирилом Петровичем, отвешивая поклон за поклоном и с благоговением ожидая его приказаний.

– Здорово, как, бишь, тебя зовут, – сказал ему Троекуров, – зачем пожаловал?

– Я ехал в город, ваше превосходительство, – отвечал Шабашкин, – и зашел к Ивану Демьянову узнать, не будет ли какого приказания от вашего превосходительства.

– Очень кстати заехал, как, бишь, тебя зовут; мне до тебя нужда. Выпей водки да выслушай.

Таковой ласковый прием приятно изумил заседателя. Он отказался от водки и стал слушать Кирила Петровича со всевозможным вниманием.

– У меня сосед есть, – сказал Троекуров, – мелкопоместный грубиян; я хочу взять у него имение, – как ты про то думаешь?

– Ваше превосходительство, коли есть какие-нибудь документы или...

– Врешь, братец, какие тебе документы. На то указы. В том-то и сила, чтобы безо всякого права отнять имение. Постой, однако ж. Это имение принадлежало некогда нам, было куплено у какого-то Спицына и продано потом отцу Дубровского. Нельзя ли к этому придраться?

– Мудрено, ваше высокопревосходительство; вероятно, сия продажа совершена законным порядком.

– Подумай, братец, поищи хорошенько.

– Если бы, например, ваше превосходительство могли каким ни есть образом достать от вашего соседа запись или купчую, в силу которой владеет он своим имением, то конечно...

– Понимаю, да вот беда – у него все бумаги сгорели во время пожара.

– Как, ваше превосходительство, бумаги его сгорели! чего ж вам лучше? – в таком случае извольте действовать по законам, и без всякого сомнения получите ваше совершенное удовольствие.

– Ты думаешь? Ну, смотри же. Я полагаюсь на твое усердие, а в благодарности моей можешь быть уверен.

Шабашкин поклонился почти до земли, вышел вон, с того же дни стал хлопотать по замышленному делу, и, благодаря его проворству, ровно через две недели Дубровский получил из города приглашение доставить немедленно надлежащие объяснения насчет его владения сельцом Кистеневкою.

Андрей Гаврилович, изумленный неожиданным запросом, в тот же день написал в ответ довольно грубое отношение, в коем объявлял он, что сельцо Кистеневка досталось ему по смерти покойного его родителя, что он владеет им по праву наследства, что Троекурову до него дела никакого нет и что всякое постороннее притязание на сию его собственность есть ябеда и мошенничество.

Письмо сие произвело весьма приятное впечатление в душе заседателя Шабашкина. Он увидел, во-первых, что Дубровский мало знает толку в делах, во-вторых, что человека столь горячего и неосмотрительного нетрудно будет поставить в самое невыгодное положение.

Андрей Гаврилович, рассмотрев хладнокровно запросы заседателя, увидел необходимость отвечать обстоятельнее. Он написал довольно дельную бумагу, но впоследствии времени оказавшуюся недостаточной.

Дело стало тянуться. Уверенный в своей правоте Андрей Гаврилович мало о нем беспокоился, не имел ни охоты, ни возможности сыпать около себя деньги, и хоть он, бывало, всегда первый трунил над продажной совестью чернильного племени, но мысль соделаться жертвой ябеды не приходила ему в голову. С своей стороны, Троекуров столь же мало заботился о выигрыше им затеянного дела, – Шабашкин за него хлопотал, действуя от его имени, страдая и подкупая судей и толкуя вкривь и впрямь всевозможные указы. Как бы то ни было, 18.. года, февраля 9 дня, Дубровский получил через городовую полицию приглашение явиться к ** земскому судье для выслушания решения одного по делу спорного имения между им, поручиком Дубровским, и генерал-аншефом Троекуровым, и для подписки своего удовольствия или неудовольствия. В тот же день Дубровский отправился в город; на дороге обогнал его Троекуров. Они гордо взглянули друг на друга, и Дубровский заметил злобную улыбку на лице своего противника.

Глава II

Приехав в город, Андрей Гаврилович остановился у знакомого купца, ночевал у него, и на другой день утром явился в присутствие уездного суда. Никто не обратил на него внимания. Вслед за ним приехал и Кирила Петрович. Писаря встали и заложили перья за ухо. Члены встретили его с изъявлениями глубокого подобострастия, придвинули ему кресла из уважения к его чину, летам и дородности; он сел при открытых дверях – Андрей Гаврилович стоя прислонился к стенке – настала глубокая тишина, и секретарь звонким голосом стал читать определение суда.

Мы помещаем его вполне, полагая, что всякому приятно будет увидеть один из способов, коими на Руси можем мы лишиться имения, на владение коим имеем неоспоримое право.

18.. года октября 27 дня ** уездный суд рассматривал дело о неправильном владении гвардии поручиком Андреем Гавриловым сыном Дубровским имением, принадлежащим генерал-аншефу Кирилу Петрову сыну Троекурову, состоящим ** губернии в сельце Кистеневке, мужеска пола ** душами, да земли с лугами и угодьями ** десятин. Из коего дела видно: означенный генерал-аншеф Троекуров прошлого 18.. года июня 9 дня взошел в сей суд с прошением в том, что покойный его отец, коллежский асессор и кавалер Петр Ефимов сын Троекуров в 17.. году августа 14 дня, служивший в то время в ** наместническом правлении провинциальным секретарем, купил из дворян у канцеляриста Фадея Егорова сына Спицы-на имение, состоящее ** округа в помянутом сельце Кистеневке (которое селение тогда по ** ревизии называлось Кистеневскими выселками), всего значащихся по 4-й ревизии мужеска пола ** душ со всем их крестьянским имуществом, усадьбою, с пашенною и непашенною землею, лесами, санными покосы, рыбными ловли по речке, называемой Кистеневке, и со всеми принадлежащими к оному имению угодьями и господским деревянным домом, и словом всё без остатка, что ему после отца его, из дворян урядника Егора Терентьева сына Спицына по наследству досталось и во владении его было, не оставляя из людей ни единыя души, а из земли ни единого четверика, ценою за 2500 р., на что и купчая

в тот же день в ** палате суда и расправы совершена, и отец его тогда же августа в 26-й день ** земским судом введен был во владение и учинен за него отказ. – А наконец 17.. года сентября 6-го дня отец его волею Божиею помер, а между тем он, проситель генерал-аншеф Троекуров, с 17.. года почти с малолетства находился в военной службе и по большей части был в походах за границами, почему он и не мог иметь сведения как о смерти отца его, равно и об оставшемся после его имении. Ныне же по выходе совсем из той службы в отставку и по возвращении в имения отца его, состоящие ** и ** губерниях **, ** и ** уездах, в разных селениях, всего до 3000 душ, находит, что из числа таковых имений вышеписанными ** душами (коих по нынешней ** ревизии значится в том сельце всего ** душ) с землею и со всеми угодьями владеет без всяких укреплений вышеписанный гвардии поручик Андрей Дубровский, почему, представляя при оном прошении ту подлинную купчую, данную отцу его продавцом Спицыным, просит, отобрав помянутое имение из неправильного владения Дубровского, отдать по принадлежности в полное его, Троекурова, распоряжение. А за несправедливое одного присвоение, с коего он пользовался получаемыми доходами, по учинении об оных надлежащего дознания, положить с него, Дубровского, следующее по законам взыскание и оным его, Троекурова, удовлетворить.

По учинении ж ** земским судом по сему прошению исследований открылось: что помянутый нынешний владелец спорного имения гвардии поручик Дубровский дал на месте дворянскому заседателю объяснение, что владеемое им ныне имение, состоящее в означенном сельце Кистеневке, ** душ с землею и угодьями, досталось ему по наследству после смерти отца его, артиллерии подпоручика Гаврила Евграфова сына Дубровского, а ему дошедшее по покупке от отца сего просителя, прежде бывшего провинциального секретаря, а потом коллежского асессора Троекурова, по доверенности, данной от него в 17.. году августа 30 дня, засвидетельствованной в ** уездном суде, титулярному советнику Григорью Васильеву сыну Соболеву, по которой должна быть от него на имение сие отцу его купчая, потому что во оной именно сказано, что он, Троекуров, всё доставшееся ему по купчей от канцеляриста Спицына имение, ** душ с землею, продал отцу его, Дубровского, и следующие по договору деньги, 3200 рублей, все сполна с отца его без возврата получил и просил одного доверенного Соболева выдать отцу его указную крепость. А между тем отцу его в той же доверенности по случаю заплаты всей суммы владеть тем покупным у него имением и распоряжаться впредь до совершения оной крепости, как настоящему владельцу, и ему, продавцу Троекурову, впредь и никому в то имение уже не вступаться. Но когда именно и в каком присутственном месте таковая купчая от поверенного Соболева дана его отцу, – ему, Андрею Дубровскому, неизвестно, ибо он в то время был в совершенном малолетстве, и после смерти его отца таковой крепости отыскать не мог, а полагает, что не сторела ли с прочими бумагами и имением во время бывшего в 17.. году в доме их пожара, о чем известно было и жителям того селения. А что оным имением со дня продажи Троекуровым или выдачи Соболеву доверенности, то есть с 17.. года, а по смерти отца его с 17.. года и поныне, они, Дубровские, бесспорно владели, в том свидетельствуется на оковых жителей, которые, всего 52 человека, на опрос под присягою показали, что действительно, как они могут запомнить, означенным спорным имением начали владеть помянутые г.г. Дубровские назад сему лет с 70 без

всякого от кого-либо спора, но по какому именно акту или крепости, им неизвестно. – Упомянутый же по сему делу прежний покупчик сего имения, бывший провинциальный секретарь Петр Троекуров, владел ли сим имением, они не запомнят. Дом же г.г. Дубровских назад сему лет 30 от случившегося в их селении в ночное время пожара сгорел, причем сторонние люди допускали, что доходу означенное спорное имение может приносить, полагая с того времени в сложности, ежегодно не менее как до 2000 р.

Напротив же сего генерал-аншеф Кирила Петров сын Троекуров 3-го генваря сего года взошел в сей суд с прошением, что хотя помянутый гвардии поручик Андрей Дубровский и представил при учиненном следствии к делу сему выданную покойным его отцом Гаврилом Дубровским титулярному советнику Соболеву доверенность на запроданное ему имение, но по оной не только подлинной купчей, но даже и на совершение когда-либо оной никаких ясных доказательств по силе генерального регламента 19 главы и указа 1752 года ноября 29 дня не представил. Следовательно, самая доверенность ныне, за смертью самого дателя оной, отца его, по указу 1818 года майя... дня, совершенно уничтожается. – А сверх сего – велено спорные имения отдавать во владения – крепостные по крепостям, а некрепостные по розыску.

На каковое имение, принадлежащее отцу его, представлен уже от него в доказательство крепостной акт, по которому и следует, на основании означенных узаконений, из неправильного владения помянутого Дубровского отобрав, отдать ему по праву наследства. А как означенные помещики, имея во владении не принадлежащего им имения и без всякого укрепления, и пользовались с оного неправильно и им не принадлежащими доходами, то по исчислении, сколько таковых будет причитаться по силе... взыскать с помещика Дубровского и его, Троекурова, оными удовлетворить. – По рассмотрении какового дела и учиненной из оного и из законов выписки в ** уездном суде определено:

Как из дела сего видно, что генерал-аншеф Кирила Петров сын Троекуров на означенное спорное имение, находящееся ныне во владении у гвардии поручика Андрея Гаврилова сына Дубровского, состоящее в сельце Кистеневке, по нынешней... ревизии всего мужеска пола ** душ, с землею и угодьями, представил подлинную купчую на продажу оного покойному отцу его, провинциальному секретарю, который потом был коллежским асессором, в 17.. году из дворян канцеляристом Фадеем Спицыным, и что сверх сего сей покупатель, Троекуров, как из учиненной на то купчей надписи видно, был в том же году ** земским судом введен во владение, которое имение уже и за него отказано, и хотя напротив сего со стороны гвардии поручика Андрея Дубровского и представлена доверенность, данная тем умершим покупщиком Троекуровым титулярному советнику Соболеву для совершения купчей на имя отца его, Дубровского, но по таковым сделкам не только утверждать крепостные недвижимые имения, но даже и временно владеть по указу... воспрещено, к тому ж и самая доверенность смертью дателя оной совершенно уничтожается. – Но чтоб сверх сего действительно была по оной доверенности совершена где и когда на означенное спорное имение купчая, со стороны Дубровского никаких ясных доказательств к делу с начала производства, то есть с 18.. года, и по сие время не представлено. А потому сей суд и полагает: означенное имение, ** душ, с землею и угодьями, в каком ныне положении тое окажется, утвердить по представленной на оное купчей за генерал-аншефа

Троекурова; о удалении от распоряжения оным гвардии поручика Дубровского и о надлежащем вводе во владение за него, г. Троекурова, и об отказе за него, как дошедшего ему по наследству, предписать ** земскому суду. А хотя сверх сего генерал-аншеф Троекуров и просит о взыскании с гвардии поручика Дубровского за неправо владение наследственным его имением воспользовавшихся с оного доходов. – Но как оное имение, по показанию старожилых людей, было у г.г. Дубровских несколько лет в бесспорном владении, и из дела сего не видно, чтоб со стороны г. Троекурова были какие-либо до сего времени прошения о таковом неправильном владении Дубровскими оного имения, к тому по уложению велено, ежели кто чужую землю засеет или усадьбу загородит, и на того о неправильном завладении станут бити челом, и про то сыщется допрямо, тогда правому отдавать туя землю и с посеянным хлебом, и городьбою, и строением, а посему генерал-аншефу Троекурову в изъявленном на гвардии поручика Дубровского иске отказать, ибо принадлежащее ему имение возвращается в его владение, не изъемя из оного ничего. А что при вводе за него оказаться может всё без остатка, предоставляя между тем генерал-аншефу Троекурову, буде он имеет о таковой своей претензии какие-либо ясные и законные доказательства, может просить где следует особо. Каковое решение наперед объявить как истцу, равно и ответчику, на законном основании, апелляционным порядком, коих и вызвать в сей суд для выслушания сего решения и подписки удовольствия или неудовольствия чрез полицию.

Каковое решение подписали все присутствующие того суда.

Секретарь умолкнул, заседатель встал и с низким поклоном обратился к Троекурову, приглашая его подписать предлагаемую бумагу, и торжествующий Троекуров, взяв от него перо, подписал под *решением* суда совершенное свое удовольствие.

Очередь была за Дубровским. Секретарь поднес ему бумагу. Но Дубровский стал неподвижен, потупя голову.

Сторожа сбежались на шум и насилиу им овладели.

Секретарь повторил ему свое приглашение подписать свое полное и совершенное удовольствие или явное неудовольствие, если паче чаяния чувствует по совести, что дело его есть правое, и намерен в положенное законами время просить по апелляции куда следует. Дубровский молчал... Вдруг он поднял голову, глаза его засверкали, он топнул ногою, оттолкнул секретаря с такою силою, что тот упал, и, схватив чернильницу, пустил ею в заседателя. Все пришли в ужас. «Как! не почитать церковь Божию! прочь, хамово племя!» Потом, обратясь к Кирилу Петровичу: «Слыхано дело, ваше превосходительство, – продолжал он, – псаря вводят собак в Божию церковь! собаки бегают по церкви. Я вас уже проучу...» Сторожа сбежались на шум и насилию им овладели. Его вывели и усадили в сани. Троекуров вышел вслед за ним, сопровождаемый всем судом. Внезапное сумасшествие Дубровского сильно подействовало на его воображение и отравило его торжество.

Судьи, надеявшиеся на его благодарность, не удостоились получить от него ни единого приветливого слова. Он в тот же день отправился в Покровское. Дубровский между тем лежал в постеле; уездный лекарь, по счастью не совершенный невежда, успел пустить ему кровь, приставить пиявки и шпанские мухи. К вечеру ему стало легче, больной пришел в память. На другой день повезли его в Кистеневку, почти уже ему не принадлежащую.

Глава III

Прошло несколько времени, а здоровье бедного Дубровского всё еще было плохо; правда, припадки сумасшествия уже не возобновлялись, но силы его приметно ослабевали. Он забывал свои прежние занятия, редко выходил из своей комнаты и задумывался по целым суткам. Егоровна, добрая старуха, некогда ходившая за его сыном, теперь сделалась и его нянькою. Она смотрела за ним, как за ребенком, напоминала ему о времени пищи и сна, кормила его, укладывала спать. Андрей Гаврилович тихо повиновался ей и, кроме ее, не имел ни с кем сношения. Он был не в состоянии думать о своих делах, хозяйственных распоряжениях, и Егоровна увидела необходимость уведомить обо всем молодого Дубровского, служившего в одном из гвардейских пехотных полков и находящегося в то время в Петербурге. Итак, отодрав лист от расходной книги, она продиктовала повару Харитону, единственному кистеневскому грамотею, письмо, которое в тот же день и отослала в город на почту.

Но пора читателя познакомить с настоящим героем нашей повести.

Владимир Дубровский воспитывался в Кадетском корпусе и выпущен был корнетом в гвардию; отец не щадил ничего для приличного его содержания, и молодой человек получал из дому более, нежели должен был ожидать. Будучи расточителен и честолюбив, он позволял себе роскошные прихоти; играл в карты и входил в долги, не заботясь о будущем и предвидя себе рано или поздно богатую невесту, мечту бедной молодости.

Однажды вечером, когда несколько офицеров сидели у него, развалившись по диванам и куря из его янтарей, Гриша, его камердинер, подал ему письмо, коего надпись и печать тотчас поразили молодого человека. Он поспешно его распечатал и прочел следующее:

«Государь ты наш, Владимир Андреевич, – я, твоя старая нянька, решила тебе доложить о здоровье папенькином! Он очень плох, иногда заговаривается, и весь день сидит как дитя глупое – а в животе и смерти Бог волен. Приезжай ты к нам, соколик мой ясный, мы тебе и лошадей вышлем на Песочное. Слышно, земский суд к нам едет отдать нас под начал Кирилу Петровичу Троекурову – потому что мы – дескать, ихние, а мы искони Ваши, – и отроду того не слыхивали. Ты бы мог, живя в Петербурге, доложить о том царю-батюшке, а он бы не дал нас в обиду. Остаюсь твоя верная раба, нянька

Орина Егоровна Бузырева.

Посылаю мое материнское благословение Грише, хорошо ли он тебе служит? У нас дожди идут вот уже друга неделя и пастух Родя помер около Миколина дня».

Владимир Дубровский несколько раз сряду перечитал сии довольно бестолковые строки с необыкновенным волнением. Он лишился матери с малолетства и, почти не зная отца своего, был привезен в Петербург на восьмом году своего возраста – со всем тем он романически был к нему привязан и тем более любил семейственную жизнь, чем менее успел насладиться ее тихими радостями.

Мысль потерять отца своего тягостно терзала его сердце, а положение бедного больного, которое угадывал он из письма своей няни, ужасало его. Он воображал отца, оставленного в глухой деревне, на руках глупой старухи и дворни, угрожаемого каким-то бедствием и угасяющего без помощи в мучениях телесных и душевных. Владимир упрекал себя в преступном небрежении. Долго не получал он от отца писем и не подумал о нем осведомиться, полагая его в разъездах или хозяйственных заботах.

Он решился к нему ехать и даже выйти в отставку, если болезненное состояние отца потребует его присутствия. Товарищи, заметя его беспокойство, ушли. Владимир, оставшись один, написал просьбу об отпуске – закурил трубку и погрузился в глубокие размышления.

Тот же день стал он хлопотать об отпуске и через три дня был уж на большой дороге.

Владимир Андреевич приближался к той станции, с которой должен он был своротить на Кистеневку. Сердце его исполнено было печальных предчувствий, он боялся уже не застать отца в живых, он воображал грустный образ жизни, ожидающий его в деревне, глушь, безлюдие, бедность и хлопоты по делам, в коих он не знал никакого толку. Приехав на станцию, он вошел к смотрителю и спросил вольных лошадей. Смотритель осведомился, куда надобно было ему ехать, и объявил, что лошади, присланные из Кистеневки, ожидали его уже четвертые сутки. Вскоре явился к Владимиру Андреевичу старый кучер Антон, некогда водивший его по конюшне и смотревший за его маленькой лошадкой. Антон прослезился, увидя его, поклонился ему до земли, сказал ему, что старый его барин еще жив, и побежал запрягать лошадей. Владимир Андреевич отказался от предлагаемого завтрака и спешил отправиться. Антон повез его проселочными дорогами – и между ими завязался разговор.

– Скажи, пожалуйста, Антон, какое дело у отца моего с Троекуровым?

– А Бог их ведает, батюшка Владимир Андреевич... Барин, слышь, не поладил с Кирилом Петровичем, а тот и подал в суд – хотя почаству он сам себе судия. Не наше холопье дело разбирать барские воли, а ей-богу, напрасно батюшка ваш пошел на Кирила Петровича, плетью обуха не перешибешь.

– Так, видно, этот Кирила Петрович у вас делает что хочет?

– И вестимо, барин: заседателя, слышь, он и в грош не ставит, исправник у него на посылках. Господа съезжаются к нему на поклон, и то сказать, было бы корыто, а свиньи-то будут.

– Правда ли, что отымают он у нас имение?

– Ох, барин, слышали так и мы. На днях Покровский пономарь сказал на крестинах у нашего старосты: полно вам гулять; вот уже приберет вас к рукам Кирила Петрович. Микитак-кузнец и сказал ему: и, полно, Савельич, не печаль кума, не мутит гостей – Кирила Петрович сам по себе, а Андрей Гаврилович сам по себе, а все мы Божии да государевы; да ведь на чужой рот пуговицы не нашешь.

– Стало быть, вы не желаете перейти во владение Троекурову?

– Во владение Кирилу Петровичу! Господь упаси и избави: у него часом и своим плохо приходится, а достанутся чужие, так он с них не только шкурку, да и мясо-то отдерет. Нет, дай Бог долго здравствовать Андрею Гавриловичу, а коли уж Бог его приберет, так не надо

нам никого, кроме тебя, наш кормилец. Не выдавай ты нас, а мы уж за тебя станем. – При сих словах Антон размахнул кнутом, тряхнул вожжами, и лошади его побежали крупной рысью.

Тронутый преданностью старого кучера, Дубровский замолчал и предался снова размышлениям. Прошло более часа, вдруг Гриша пробудил его восклицанием: «Вот Покровское!» Дубровский поднял голову. Он ехал берегом широкого озера, из которого вытекала речка и вдали извивалась между холмами; на одном из них над густою зеленою рощи возвышалась зеленая кровля и бельведер огромного каменного дома, на другом пятиглавая церковь и старинная колокольня; около разбросаны были деревенские избы с их огородами и колодезьями. Дубровский узнал сии места; он вспомнил, что на сем самом холму играл он с маленькой Машей Трокуровой, которая была двумя годами его моложе и тогда уже обещала быть красавицей. Он хотел об ней осведомиться у Антона, но какая-то застенчивость удержала его.

Подъехав к господскому дому, он увидел белое платье, мелькающее между деревьями сада. В это время Антон ударил по лошадям и, повинуясь честолюбию, общему и деревенским кучерам, как и извозчикам, пустился во весь дух через мост и мимо села. Выехав из деревни, поднялись они на гору, и Владимир увидел березовую рощу и влево на открытом месте серенький домик с красной кровлею; сердце в нем забилося; перед собою видел он Кистеневку и бедный дом своего отца.

Через десять минут въехал он на барский двор. Он смотрел вокруг себя с волнением неописанным. Двенадцать лет не видал он своей родины. Березки, которые при нем только что были посажены около забора, выросли и стали теперь высокими ветвистыми деревьями. Двор, некогда украшенный тремя правильными цветниками, меж коими шла широкая дорога, тщательно выметаемая, обращен был в некошенный луг, на котором паслась опутанная лошадь. Собаки было залаяли, но, узнав Антона, умолкли и замахали косматыми хвостами. Дворня высыпала из людских изоб и окружила молодого барина с шумными изъявлениями радости. Насилу мог он продрасться сквозь их усердную толпу и взбежал на ветхое крыльцо; в сенях встретила его Егоровна и с плачем обняла своего воспитанника. «Здорово, здорово, няня, – повторял он, прижимая к сердцу добрую старуху, – что батюшка, где он? каков он?»

В эту минуту в залу вошел, насилу передвигая ноги, старик высокого роста, бледный и худой, в халате и колпаке.

– Здравствуй, Володька! – сказал он слабым голосом, и Владимир с жаром обнял отца своего. Радость произвела в больном слишком сильное потрясение, он ослабел, ноги под ним подкосились, и он бы упал, если бы сын не поддержал его.

– Зачем ты встал с постели, – говорила ему Егоровна, – на ногах не стоишь, а туда же норовишь, куда и люди.

Старика отнесли в спальню. Он силился с ним разговаривать, но мысли мешались в его голове, и слова не имели никакой связи. Он замолчал и впал в усыпление. Владимир поражен был его состоянием. Он расположился в его спальне и просил оставить его наедине с отцом. Домашние повиновались, и тогда все обратились к Грише и повели в людскую, где и угостили его по-деревенскому, со всевозможным радушием, измучив его вопросами и приветствиями.

Глава IV

*Где стол был яств, там гроб стоит*¹.*

Несколько дней спустя после своего приезда молодой Дубровский хотел заняться делами, но отец его был не в состоянии дать ему нужные объяснения – у Андрея Гавриловича не было поверенного. Разбирая его бумаги, нашел он только первое письмо заседателя и черновой ответ

¹ Объяснение непонятных слов и выражений, перевод иностранных слов, помеченных одной звездочкой, см. на с. 246–248.

на оное; из того не мог он получить ясное понятие о тяжбе и решился ожидать последствий, надеясь на правоту самого дела.

Между тем здоровье Андрея Гавриловича час от часу становилось хуже. Владимир предвидел его скорое разрушение и не отходил от старика, впавшего в совершенное детство.

Между тем положенный срок прошел, и апелляция не была подана. Кистеневка принадлежала Троекурову. Шабашкин явился к нему с поклонами и поздравлениями и просьбою назначить, когда угодно будет его высокопревосходительству вступить во владение новоприобретенным именем – самому или кому изволит он дать на то доверенность. Кирила Петрович смутился. От природы не был он корыстолюбив, желание мести завлекло его слишком далеко, совесть его роптала. Он знал, в каком состоянии находился его противник, старый товарищ его молодости, – и победа не радовала его сердце. Он грозно взглянул на Шабашкина, ища к чему привязаться, чтоб его выбрать, но не найдя достаточного к тому предлога, сказал ему сердито: «Пошел вон, не до тебя».

Шабашкин, видя, что он не в духе, поклонился и спешил удалиться. А Кирила Петрович, оставшись наедине, стал расхаживать взад и вперед, насвистывая: «Гром победы раздавайся»*, что всегда означало в нем необыкновенное волнение мыслей.

Наконец он велел запрячь себе беговые дрожки, оделся потеплее (это было уже в конце сентября) и, сам правя, выехал со двора.

Вскоре завидел он домик Андрея Гавриловича, и противоположные чувства наполнили душу его. Удовлетворенное мщение и властолюбие заглушали до некоторой степени чувства более благородные, но последние наконец восторжествовали. Он решился помириться с старым своим соседом, уничтожить и следы ссоры, возвратив ему его достояние. Облегчив душу сим благим намерением, Кирила Петрович пустился рысью к усадьбе своего соседа – и въехал прямо на двор.

В это время больной сидел в спальней у окна. Он узнал Кирила Петровича, и ужасное смятение изобразилось на лице его: багровый румянец заступил место обыкновенной бледности, глаза засверкали, он произносил невнятные звуки. Сын его, сидевший тут же за хозяйственными книгами, поднял голову и поражен был его состоянием. Больной указывал пальцем на двор с видом ужаса и гнева. Он торопливо подбирал полы своего халата, собираясь встать с кресел, приподнялся... и вдруг упал. Сын бросился к нему, старик лежал без чувств и без дыхания – паралич его ударил. «Скорей, скорей в город за лекарем!» – кричал Владимир. «Кирила Петрович спрашивает вас», – сказал вошедший слуга. Владимир бросил на него ужасный взгляд.

– Скажи Кирилу Петровичу, чтоб он скорее убирался, пока я не велел его выгнать со двора... пошел! – Слуга радостно побежал исполнить приказание своего барина; Егоровна всплеснула руками. «Батюшка ты наш, – сказала она пискливым голосом, – погубишь ты свою головушку! Кирила Петрович съест нас». – «Молчи, няня, – сказал с сердцем Владимир, – сейчас пошли Антона в город за лекарем». Егоровна вышла.

В передней никого не было, все люди сбежались на двор смотреть на Кирила Петровича. Она вышла на крыльцо – и услышала ответ слуги, доносящего от имени молодого барина. Кирила Петрович выслушал его сидя на дрожках. Лицо его стало мрачнее ночи, он с презрением улыбнулся, грозно взглянул на дворню и поехал шагом около двора. Он взглянул и в окошко, где за минуту перед сим сидел Андрей Гаврилович, но где уж его не было. Няня стояла на крыльце, забыв о приказании барина. Дворня с шумом толковала о сем происшествии. Вдруг Владимир явился между людьми и отрывисто сказал: «Не надобно лекаря, батюшка скончался».

Сын бросился к нему, старик лежал без чувств и без дыхания – паралич его ударил.

Сделалось смятение. Люди бросились в комнату старого барина. Он лежал в креслах, на которые перенес его Владимир; правая рука его висела до полу, голова опущена была на грудь – не было уж и признака жизни в сем теле, еще не охладелом, но уже обезображенном кончиною. Егоровна взвыла, слуги окружили труп, оставленный на их попечение, – вымыли его, одели в мундир, сшитый еще в 1797 году, и положили на тот самый стол, за которым столько лет они служили своему господину.

Глава V

Похороны совершились на третий день. Тело бедного старика лежало на столе, покрытое саваном и окруженное свечами. Столовая полна была дворовых. Готовились к выносу. Владимир и трое слуг подняли гроб. Священник пошел вперед, дьячок сопровождал его, воспевая погребальные молитвы. Хозяин Кистеневки в последний раз перешел за порог своего дома. Гроб понесли рощею. Церковь находилась за нею. День был ясный и холодный. Осенние листья падали с дерев.

При выходе из рощи увидели кистеневскую деревянную церковь и кладбище, осененное старыми липами. Там покоилось тело Владимировой матери; там подле могилы ее накануне вырыта была свежая яма.

Церковь полна была кистеневскими крестьянами, пришедшими отдать последнее поклонение господину своему. Молодой Дубровский стал у клироса; он не плакал и не молился – но лицо его было страшно. Печальный обряд кончился. Владимир первый пошел прощаться с телом, за ним и все дворовые – принесли крышку и заколотили гроб. Бабы громко выли; мужики изредка утирали слезы кулаком. Владимир и тех же трое слуг понесли его на кладбище в сопровождении всей деревни. Гроб опустили в могилу, все присутствующие бросили в нее по горсти песку, яму засыпали, поклонились ей и разошлись. Владимир поспешно удалился, всех опередил и скрылся в Кистеневскую рощу.

Егоровна от имени его пригласила попа и весь причет церковный на похоронный обед, объявив, что молодой барин не намерен на оном присутствовать, и таким образом отец Антон,

попадья Федотовна и дьячок пешком отправились на барский двор, рассуждая с Егоровной о добродетелях покойника и о том, что, по-видимому, ожидало его наследника. (Приезд Трокурова и прием, ему оказанный, были уже известны всему околотку, и тамошние политики предвещали важные оному последствия.)

– Что будет – то будет, – сказала попадья, – а жаль, если не Владимир Андреевич будет нашим господином. Молодец, нечего сказать.

– А кому же как не ему и быть у нас господином, – прервала Егоровна. – Напрасно Кирила Петрович и горячится. Не на робкого напал: мой соколик и сам за себя постоит, да и, Бог даст, благодетели его не оставят. Больно спесив Кирила Петрович! а небось поджал хвост, когда Гришка мой закричал ему: «Вон, старый пес! долой со двора!»

– Ахти, Егоровна, – сказал дьячок, – да как у Григорья-то язык повернулся; я скорее соглашусь, кажется, лаять на владыку, чем косо взглянуть на Кирила Петровича. Как увидишь его, страх и трепет и каплет пот, а спина-то сама так и гнется, так и гнется...

– Суета сует, – сказал священник, – и Кирилу Петровичу отпоют вечную память, всё как ныне и Андрею Гавриловичу, разве похороны будут побогаче да гостей созовут побольше, а Богу не всё ли равно!

– Ах, батька! и мы хотели зазвать весь околоток, да Владимир Андреевич не захотел. Небось у нас всего довольно, есть чем угостить, да что прикажешь делать. По крайней мере, коли нет людей, так уж хоть вас употчую, дорогие гости наши.

Сие ласковое обещание и надежда найти лакомый пирог ускорили шаги собеседников, и они благополучно прибыли в барский дом, где стол был уже накрыт и водка подана.

Между тем Владимир углублялся в чащу дерев, движением и усталостию стараясь заглушать душевную скорбь. Он шел не разбирая дороги; сучья поминутно задевали и царапали его, нога его поминутно вязла в болоте, – он ничего не замечал. Наконец достигнул он маленькой лощины, со всех сторон окруженной лесом; ручеек извивался молча около деревьев, полуобнаженных осенью. Владимир остановился, сел на холодный дерн, и мысли одна другой мрачнее стеснились в душе его... Сильно чувствовал он свое одиночество. Будущее для него являлось покрытым грозными тучами. Вражда с Трокуровым предвещала ему новые несчастья. Бедное его достояние могло отойти от него в чужие руки – в таком случае нищета ожидала его. Долго сидел он неподвижно на том же месте, взирая на тихое течение ручья, уносящего несколько поблеклых листьев и живо представляющего ему верное подобие жизни – подобие столь обыкновенное. Наконец заметил он, что начало смеркаться; он встал и пошел искать дороги домой, но еще долго блуждал по незнакомому лесу, пока не попал на тропинку, которая и привела его прямо к воротам его дома.

Навстречу Дубровскому попался поп со всем причетом. Мысль о несчастливом предзнаменовании пришла ему в голову. Он невольно пошел стороною и скрылся за деревом. Они его не заметили и с жаром говорили между собою, проходя мимо его.

– Удались от зла и сотвори благо, – говорил поп попадье, – нечего нам здесь оставаться. Не твоя беда, чем бы дело ни кончилось. – Попадья что-то отвечала, но Владимир не мог ее расслышать.

Приближаясь, увидел он множество народа – крестьяне и дворовые люди толпились на барском дворе. Издали услышал Владимир необыкновенный шум и говор. У сарая стояли две тройки. На крыльце несколько незнакомых людей в мундирных сертуках, казалось, о чем-то толковали.

– Что это значит? – спросил он сердито у Антона, который бежал ему навстречу. – Это кто такие, и что им надобно?

– Ах, батюшка Владимир Андреевич, – отвечал старик задыхаясь. – Суд приехал. Отдают нас Трокурову, отымают нас от твоей милости!..

Владимир потупил голову, люди его окружили несчастного своего господина. «Отец ты наш, – кричали они, целуя ему руки, – не хотим другого барина, кроме тебя, прикажи, осударь, с судом мы управимся. Умрем, а не выдадим». Владимир смотрел на них, и странные чувства волновали его. «Стойте смирно, – сказал он им, – а я с приказными переговорю». – «Переговори, батюшка, – закричали ему из толпы, – да усовестить окаянных».

Владимир подошел к чиновникам. Шабашкин, с картузом на голове, стоял подбочась и гордо взирал около себя. Исправник, высокий и толстый мужчина лет пятидесяти с красным лицом и в усах, увидя приближающегося Дубровского, крикнул и произнес охриплым голосом: «Итак, я вам повторяю то, что уже сказал: по решению уездного суда отныне принадлежите вы Кирилу Петровичу Троекурову, коего лицо представляет здесь господин Шабашкин. Слушайте его во всем, что ни прикажет, а вы, бабы, любите и почитайте его, а он до вас большой охотник». При сей острой шутке исправник захохотал, а Шабашкин и прочие члены ему последовали. Владимир кипел от негодования. «Позвольте узнать, что это значит», – спросил он с притворным холонокровием у веселого исправника. «А это то значит, – отвечал замысловатый чиновник, – что мы приехали вводить во владение сего Кирила Петровича Троекурова и просить *иных прочих* убираться подобру-поздорову». – «Но вы могли бы, кажется, отнестись ко мне, прежде чем к моим крестьянам, и объявить помещику отрешение от власти...» – «А ты кто такой, – сказал Шабашкин с дерзким взором. – Бывший помещик Андрей Гаврилов сын Дубровский волею Божиею помре, мы вас не знаем, да и знать не хотим».

– Владимир Андреевич наш молодой барин, – сказал голос из толпы.

– Кто там смел рот разинуть, – сказал грозно исправник, – какой барин, какой Владимир Андреевич? барин ваш Кирила Петрович Троекуров – слышите ли, олухи?

– Как не так, – сказал тот же голос.

– Да это бунт! – кричал исправник. – Гей, староста, сюда!

Староста выступил вперед.

– Отыщи сей же час, кто смел со мною разговаривать, я его!

Староста обратился к толпе, спрашивая, кто говорил? но все молчали; вскоре в задних рядах поднялся ропот, стал усиливаться и в одну минуту превратился в ужаснейшие вопли. Исправник понизил голос и хотел было их уговаривать. «Да что на него смотреть, – закричали дворовые, – ребята! долой их!» – и вся толпа двинулась, Шабашкин и другие члены поспешно бросились в сени и заперли за собою дверь.

«Ребята, вязать», – закричал тот же голос, – и толпа стала напирать... «Стойте, – крикнул Дубровский. – Дураки! что вы это? вы губите и себя и меня. Ступайте по дворам и оставьте меня в покое. Не бойтесь, государь милостив, я буду просить его. Он нас не обидит. Мы все его дети. А как ему за вас будет заступиться, если вы станете бунтовать и разбойничать».

Речь молодого Дубровского, его звучный голос и величественный вид произвели желаемое действие. Народ утих, разошелся – двор опустел. Члены сидели в сенях. Наконец Шабашкин тихонько отпер двери, вышел на крыльцо и с униженными поклонами стал благодарить Дубровского за его милостивое заступление. Владимир слушал его с презрением и ничего не отвечал. «Мы решили, – продолжал заседатель, – с вашего дозволения остаться здесь ночевать; а то уж темно, и ваши мужики могут напасть на нас на дороге. Сделайте такую милость: прикажите постлать нам хоть сена в гостиной; чем свет, мы отправимся восвояси».

– Делайте, что хотите, – отвечал им сухо Дубровский, – я здесь уже не хозяин. – С этим словом он удалился в комнату отца своего и запер за собою дверь.

Глава VI

«Итак, все кончено, – сказал он сам себе, – еще утром имел я угол и кусок хлеба. Завтра должен я буду оставить дом, где я родился и где умер мой отец, виновнику его смерти

и моей нищеты». И глаза его неподвижно остановились на портрете его матери. Живописец представил ее облокоченною на перила, в белом утреннем платье с алой розою в волосах. «И портрет этот достанется врагу моего семейства, – подумал Владимир, – он заброшен будет в кладовую вместе с изломанными стульями или повешен в передней, предметом насмешек и замечаний его псарей, а в ее спальней, в комнате... где умер отец, поселится его приказчик или поместится его гарем. Нет! нет! пускай же и ему не достанется печальный дом, из которого он выгоняет меня». Владимир стиснул зубы, страшные мысли рождались в уме его. Голоса подъячих доходили до него, они хозяйничали, требовали то того, то другого и неприятно развлекали его среди печальных его размышлений. Наконец всё утихло.

Владимир отпер комоды и ящики, занялся разбором бумаг покойного. Они большею частию состояли из хозяйственных счетов и переписки по разным делам. Владимир разорвал их, не читая. Между ими попался ему пакет с надписью: *письма моей жены*. С сильным движением чувства Владимир принялся за них: они писаны были во время Турецкого похода* и были адресованы в армию из Кистеневки. Она описывала ему свою пустынную жизнь, хозяйственные занятия, с нежностью сетовала на разлуку и призывала его домой, в объятия доброй подруги; в одном из них она изъявляла ему свое беспокойство насчет здоровья маленького Владимира; в другом она радовалась его ранним способностям и предвидела для него счастливую и блестящую будущность. Владимир зачитался и позабыл всё на свете, погрузись душою в мир семейственного счастья, и не заметил, как прошло время, стенные часы пробили одиннадцать. Владимир положил письма в карман, взял свечу и вышел из кабинета. В зале приказные спали на полу.

Владимир отпер комоды и ящики, занялся разбором бумаг покойного.

На столе стояли стаканы, ими опорожненные, и сильный дух рома слышался по всей комнате. Владимир с отвращением прошел мимо их в переднюю – двери были заперты. Не найдя ключа, Владимир возвратился в залу, – ключ лежал на столе, Владимир отворил дверь и наткнулся на человека, прижавшегося в угол – топор блестел у него, и, обратясь к нему со свечою, Владимир узнал Архипа-кузнеца. «Зачем ты здесь?» – спросил он. «Ах, Владимир Андреевич, это вы, – отвечал Архип пошепту, – Господь помилуй и спаси! хорошо, что вы

шли со свечою!» Владимир глядел на него с изумлением. «Что ты здесь притаился?» – спросил он кузнеца.

– Я хотел... я пришел... было проведать, все ли дома, – тихо отвечал Архип запинаясь.

– А зачем с тобою топор?

– Топор-то зачем? Да как же без топора нонече и ходить. Эти приказные такие, вишь, озорники – того и гляди...

– Ты пьян, брось топор, поди выпись.

– Я пьян? Батюшка Владимир Андреевич, Бог свидетель, ни единой капли во рту не было... да и пойдет ли вино на ум, слыхано ли дело, – подьячие задумали нами владеть, подьячие гонят наших господ с барского двора... Эх они храпят, окаянные; всех бы разом, так и концы в воду.

Дубровский нахмурился. «Послушай, Архип, – сказал он, немного помолчав, – не дело ты затеял. Не приказные виноваты. Засвети-ка фонарь ты, ступай за мною».

Архип взял свечку из рук барина, отыскал за печкою фонарь, засветил его, и оба тихо сошли с крыльца и пошли около двора. Сторож начал бить в чугунную доску, собаки залаяли. «Кто сторожа?» – спросил Дубровский. «Мы, батюшка, – отвечал тонкий голос, – Василиса да Лукерья». – «Подите по дворам, – сказал им Дубровский, – вас не нужно». – «Шабаш», – промолвил Архип. «Спасибо, кормилец», – отвечали бабы и тотчас отправились домой.

Дубровский пошел далее. Два человека приблизились к нему; они его окликали. Дубровский узнал голос Антона и Гриши. «Зачем вы не спите?» – спросил он их. «До сна ли нам, – отвечал Антон* – До чего мы дожили, кто бы подумал...»

– Тише! – прервал Дубровский, – где Егоровна?

– В барском доме, в своей светелке, – отвечал Гриша.

– Поди приведи ее сюда да выведи из дому всех наших людей, чтоб ни одной души в нем не оставалось, кроме приказных, а ты, Антон, запряги телегу.

Гриша ушел и через минуту явился с своею матерью. Старуха не раздевалась в эту ночь; кроме приказных, никто в доме не смыкал глаза.

– Все ли здесь? – спросил Дубровский, – не осталось ли никого в доме?

– Никого, кроме подьячих, – отвечал Гриша.

– Давайте сюда сена или соломы, – сказал Дубровский.

Люди побежали в конюшню и возвратились, неся в охапках сено.

– Подложите под крыльцо. Вот так. Ну, ребята, огню!

Архип открыл фонарь, Дубровский зажег лучину.

– Постой, – сказал он Архипу, – кажется, второпях я запер двери в переднюю, поди скорей отопри их.

Архип побежал в сени – двери были отперты. Архип запер их на ключ, примолвя вполголоса: «Как не так, отопри!» – и возвратился к Дубровскому.

Дубровский приблизил лучину, сено вспыхнуло, пламя взвилось и осветило весь двор.

– Ахти, – жалобно закричала Егоровна, – Владимир Андреевич, что ты делаешь?

– Молчи, – сказал Дубровский. – Ну, дети, прощайте, иду куда Бог поведет; будьте счастливы с новым вашим господином.

– Отец наш, кормилец, – отвечали люди, – умрем, не оставим тебя, идем с тобою.

Лошади были поданы; Дубровский сел с Гришей в телегу и назначил им местом свидания Кистеневскую рощу. Антон ударил по лошадям, и они выехали со двора.

Поднялся ветер. В одну минуту пламя обхватило весь дом. Красный дым вился над кровлею. Стекла трескали, сыпались, пылающие бревна стали падать, раздался жалобный вопль и крики: «Горим, помогите, помогите». – «Как не так», – сказал Архип, с злобной улыбкой взирающий на пожар. «Архипушка, – говорила ему Егоровна, – спаси их, окаянных, Бог тебя наградит».

– Как не так, – отвечал кузнец.

В сию минуту приказные показались в окно, стараясь выломать двойные рамы. Но тут кровля с треском рухнула, и вопли утихли.

Вскоре вся дворня высыпала на двор. Бабы с криком спешили спасти свою рухлядь, ребята прыгали, любуясь на пожар. Искры полетели огненной метелью, избы загорелись.

– Теперь всё ладно, – сказал Архип, – каково горит, а? чай, из Покровского славно смотреть.

В сию минуту новое явление привлекло его внимание; кошка бегала по кровле пылающего сарая, недоумевая, куда спрыгнуть, – со всех сторон окружало ее пламя. Бедное животное жалким мяуканьем призывало на помощь. Мальчишки помирали со смеху, смотря на ее отчаяние. «Чему смеетесь, бесенята, – сказал им сердито кузнец. – Бога вы не боитесь: Божия тварь погибает, а вы сдуру радуетесь», – и, поставя лестницу на загоревшуюся кровлю, он полез за кошкою. Она поняла его намерение и с видом торопливой благодарности уцепилась за его рукав. Полуобгорелый кузнец с своей добычей полез вниз. «Ну, ребята, прощайте, – сказал он смущенной дворне, – мне здесь делать нечего. Счастливо, не поминайте меня лихом».

Кузнец ушел; пожар свирепствовал еще несколько времени. Наконец унялся, и груды углей без пламени ярко горели в темноте ночи, и около них бродили погорелые жители Кистеневки.

Глава VII

На другой день весть о пожаре разнеслась по всему околотку. Все толковали о нем с различными догадками и предположениями. Иные уверяли, что люди Дубровского, напившись пьяны на похоронах, зажгли дом из неосторожности, другие обвиняли приказных, подгулявших на новоселий, многие уверяли, что он сам сгорел с земским судом и со всеми дворовыми.

– Ахти, – жалобно закричала Егоровна, – Владимир Андреевич, что ты делаешь?

Некоторые догадывались об истине и утверждали, что виновником сего ужасного бедствия был сам Дубровский, движимый злобой и отчаянием. Троекуров приезжал на другой же день на место пожара и сам производил следствие. Оказалось, что исправник, заседатель

земского суда, стряпчий и писарь, так же как Владимир Дубровский, няня Егоровна, дворový человек Григорий, кучер Антон и кузнец Архип, пропали неизвестно куда. Все дворový показали, что приказные сгорели в то время, как повалилась кровля; обгорелые кости их были отыты. Бабы Василиса и Лукерья сказали, что Дубровского и Архипа-кузнеца видели они за несколько минут перед пожаром. Кузнец Архип, по всеобщему показанию, был жив и, вероятно, главный, если не единственный, виновник пожара. На Дубровском лежали сильные подозрения. Кирила Петрович послал губернатору подробное описание всему происшествию, и новое дело завязалось.

Вскоре другие вести дали другую пищу любопытству и толкам. В ** появились разбойники и распространили ужас по всем окрестностям. Меры, принятые против них правительством, оказались недостаточными. Грабительства, одно другого замечательнее, следовали одно за другим. Не было безопасности ни по дорогам, ни по деревням. Несколько троек, наполненных разбойниками, разъезжали днем по всей губернии, останавливали путешественников и почту, приезжали в села, грабили помещичьи дома и предавали их огню. Начальник шайки славился умом, отважностью и каким-то великодушием. Рассказывали о нем чудеса; имя Дубровского было во всех устах, все были уверены, что он, а никто другой, предводительствовал отважными злодеями. Удивлялись одному: поместил Троекурова были пощажены; разбойники не ограбили у него ни единого сарая, не остановили ни одного воза. С обыкновенной своей надменностью Троекуров приписывал сие исключение страху, который умел он внушить всей губернии, также и отменно хорошей полиции, им заведенной в его деревнях. Сначала соседи смеялись между собою над высокомерием Троекурова и каждый день ожидали, чтоб незваные гости посетили Покровское, где было им чем поживиться, но наконец принуждены были с ним согласиться и сознаться, что и разбойники оказывали ему непонятное уважение... Троекуров торжествовал и при каждой вести о новом грабительстве Дубровского рассыпался в насмешках насчет губернатора, исправников и ротных командиров, от коих Дубровский уходил всегда невредимо.

Между тем наступило 1-е октября – день храмового праздника в селе Троекурова. Но прежде чем приступим к описанию сего торжества и дальнейших происшествий, мы должны познакомить читателя с лицами для него новыми, или о коих мы слегка только упомянули в начале нашей повести.

Глава VIII

Читатель, вероятно, уже догадался, что дочь Кирила Петровича, о которой сказали мы еще только несколько слов, есть героиня нашей повести. В эпоху, нами описываемую, ей было 17 лет, и красота ее была в полном цвете. Отец любил ее до безумия, но обходился с нею со свойственным ему своенравием, то стараясь угождать малейшим ее прихотям, то пугая ее суровым, а иногда и жестоким обращением. Уверенный в ее привязанности, никогда не мог он добиться ее доверенности. Она привыкла скрывать от него свои чувства и мысли, ибо никогда не могла знать наверно, каким образом будут они приняты. Она не имела подруг и выросла в уединении. Жены и дочери соседей редко езжали к Кирилу Петровичу, коего обыкновенные разговоры и увеселения требовали товарищества мужчин, а не присутствия дам. Редко наша красавица являлась посреди гостей, пирующих у Кирила Петровича. Огромная библиотека, составленная большею частию из сочинений французских писателей XVIII века, была отдана в ее распоряжение. Отец ее, никогда не читавший ничего, кроме «Совершенной поварихи», не мог руководствовать ее в выборе книг, и Маша, естественным образом, перерыв сочинения всякого рода, остановилась на романах. Таким образом совершила она свое воспитание, начатое некогда под руководством мамзель Мими, которой Кирила Петрович оказывал большую доверенность и благосклонность и которую принужден он был наконец выслать тихонько в

другое поместив, когда следствия сего дружества оказались слишком явными. Мамзель Мими оставила по себе память довольно приятную. Она была добрая девушка и никогда во зло не употребляла влияния, которое, видимо, имела над Кирилом Петровичем, в чем отличалась она от других наперсниц, поминутно им сменяемых. Сам Кирила Петрович, казалось, любил ее более прочих, и черноглазый мальчик, шалун лет девяти, напоминающий полуденные черты m-ле Мими, воспитывался при нем и признан был его сыном, несмотря на то, что множество босых ребятишек, как две капли воды похожих на Кирила Петровича, бегали перед его окнами и считались дворовыми. Кирила Петрович выписал из Москвы для своего маленького Саши француза-учителя, который и прибыл в Покровское во время происшествий, нами теперь описываемых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.